

УДК/UDC 343.2

Разграничение мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных актами международного и национального законодательства

Корнеев Сергей Александрович

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров

Академия права и управления ФСИН России

г. Рязань, Россия

e-mail: kornei_lam@mail.ru

SPIN-код: 5735-4462

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу мер уголовно-правового воздействия национального и международного уголовного законодательства. В ряде случаев компетенция международных органов правосудия совпадает с полномочиями национальных судебных органов, что приводит к юридической коллизии. В связи с этим в исследовании предлагается разграничение мер, предусмотренных актами международного и национального уголовного законодательства. Компетенция Международного уголовного суда в силу его приоритета, верховенства перед национальными органами правосудия - привлечение к уголовной ответственности в виде наказания лиц, признанных виновными в совершении международных преступлений, относящихся к его юрисдикции. Компетенция национальных органов власти - назначение мер уголовно-правового воздействия, смягчение уголовной ответственности и наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, решение вопроса о вменяемости/невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, и др.

Ключевые слова: международное уголовное право, международный орган правосудия, международный уголовный трибунал, уголовно-правовое воздействие, меры уголовно-правового воздействия.

Differentiation of the Measures of Criminal Legal Pressure Provided for by the Acts of International and National Legislation

Korneev Sergey Aleksandrovich

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel
Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia

Ryazan, Russia

e-mail: kornei_lam@mail.ru

SPIN Code: 5735-4462

Abstract

This article considers the measures of criminal legal pressure of national and international criminal legislation. In some cases, the competence of international judicial bodies coincides with the powers of national judicial bodies, which leads to a legal conflict. In this regard, the study suggests a distinction between the measures provided for by the acts of international and national criminal legislation. The competence of the International Criminal Court, by virtue of its priority and supremacy over national justice bodies, is to bring the persons found guilty of international crimes within its jurisdiction to criminal responsibility in the form of punishment. The competence of national authorities is to prescribe the measures of criminal legal pressure, mitigate criminal responsibility and punishment, release from criminal responsibility and punishment, resolve the issue of sanity/insanity of a person who has committed a socially dangerous act etc.

Key words: international criminal law, international body of justice, international criminal tribunal, criminal legal pressure, measures of criminal legal pressure.

На разных этапах становления и развития государства совершались преступления, которые нарушали основополагающие нормы международного права, затрагивали интересы всего международного сообщества и посягали на международный правопорядок в целом, что определило необходимость их регулирования как национальным законодательством, так и международным сообществом. Для привлечения к ответственности лиц, совершивших международные преступления против человечества, создавались специализированные интернациональные

судебные органы - международные трибуналы, представляющие собой утвержденные соглашением, специальной прокламацией либо резолюцией ООН временные или действующие на постоянной основе международные органы, осуществляющие правосудие в отношении лиц, совершивших международные преступления.

Цели данного органа правосудия заключались в решении вопроса виновности указанных лиц; защите жертв и всего международного сообщества от угрозы причинения вреда в результате совершения международных преступлений; предупреждении международных преступлений, восстановлении и поддержании на этой основе международного мира и безопасности [1, с. 41].

Каждый из международных уголовных органов содержит устав (статут), который закрепляет материальные, организационные и процессуальные основы его деятельности. Таким образом, применительно к отечественному законодательству, устав (статут) является комплексным межотраслевым нормативным актом, содержащим нормы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного права.

В своей деятельности международные уголовные органы, помимо положений утвержденного устава (статута), руководствуются международными договорами, принципами и нормами международного права. В исключительных случаях - общими принципами права, закрепленными в соответствующих национальных законах государств [1, с. 41].

Первым в истории международного уголовного права был учрежден Нюрнбергский международный трибунал в соответствии с Лондонским соглашением от 8 августа 1945 г. между правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников Второй мировой войны. Одновременно с соглашением был принят Устав трибунала, устанавливающий правила и процедуры проведения Нюрнбергского процесса. За совершение преступлений (против мира, против человечности и военные преступления) Устав Нюрнбергско-

го международного трибунала предусматривал возможность назначения смертной казни или иных уголовных наказаний (ст. 27) [2, с. 163–165].

Вторым, аналогичным по своей сущности, структуре, юрисдикции и санкциям, в истории международного уголовного права был созданный 19 января 1946 г. Международный военный трибунал для Дальнего Востока, учрежденный специальной прокламацией, изданной главнокомандующим оккупационными войсками в Японии генералом Д. Макартуром [3, с. 79–86]. Таким образом, международное уголовно-правовое воздействие, реализуемое по решениям указанных международных органов, осуществляющих правосудие в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, отождествлялось исключительно с уголовным наказанием.

В 1993 г. был создан Международный трибунал по бывшей Югославии (далее - МТБЮ), а в 1994 г. - Международный трибунал по Руанде (далее - МТР), учрежденные Резолюцией Совета Безопасности ООН № 827 и № 955 соответственно [4]. Оба трибунала были образованы на основании гл. 7 «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» Устава ООН и являются *ad hoc* («специально для этого», «по особому случаю») судебными органами. Формулируя материально-правовые основы деятельности МТБЮ и МТР, их Уставы определили, что основная задача трибуналов состоит в осуществлении судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия с 1 января 1991 г., а на территории Руанды - с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. Соответственно, функционирование перечисленных международных судебных органов прекращается после решения поставленной цели - определение меры ответственности лицам, виновным в совершении преступлений против мира и безопасности человечества.

За совершение международных преступлений (МТР: геноцид, преступления против человечности, серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г.; к юрисдикции МТБЮ, помимо указанных, было отнесено

нарушение законов и обычаев войны) Уставами предусматривалась возможность назначения наказаний в виде тюремного заключения; возвращения законным владельцам любого имущества и доходов, приобретенных в результате преступного поведения, в т. ч. путем принуждения (ст. 24 Устава МТБЮ, ст. 23 Устава МТР); личная уголовная ответственность (ст. 7 Устава МТБЮ, ст. 6 Устава МТР) [5; 6]. Под последней понимается ответственность лица, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало в подготовке или совершении международного преступления. Исходя из вышеизложенного, следует признать, что международное уголовно-правовое воздействие этого периода носит менее репрессивный характер в сравнении с первыми международными трибуналами, т. к. из его содержания был исключен вид наказания в виде смертной казни и в то же время закреплена мера уголовно-правового характера, не относящаяся к видам наказания. Таким образом, международное уголовно-правовое воздействие было реализовано в форме уголовной ответственности как более широкой и объемной категории уголовного права.

Устав Специального суда по Сьерра-Леоне, учрежденного в 2002 г. на основании Соглашения между ООН и правительством Сьерра-Леоне во исполнение Резолюции 1315 (2000) Совета Безопасности ООН от 14 августа 2000г. [7, с. 308], предусматривал за совершение преступлений (против человечества, военных преступлений и других серьезных нарушений международного гуманитарного права, а также в отношении предусмотренных соответствующим законодательством Сьерра-Леоне преступлений, совершенных на территории Сьерра-Леоне с 30 ноября 1996 г.) уголовно-правовое воздействие в виде наказания (ст. 19) и личной уголовной ответственности (ст. 6). Под последней понимается ответственность лица, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало или соучаствовало в планировании, подготовке или совершения международного преступления вне зависимости от его должностного положения.

Помимо этого, рассматриваемый орган правосудия обладает юрисдикцией над лицами, достигшими возраста 15 лет (ст. 7) [8]. Уголовно-правовое воздействие в отношении лиц в возрасте 15–18 лет сводится к уходу, опеке и надзору, общинным работам, программам консультирования, передаче на воспитание, программам исправления, просвещения и профессионально-технического обучения. Целями применения данных мер уголовно-правового воздействия являются реабилитация, реинтеграция в общество и выполнение в нем конструктивной роли в соответствии с международными стандартами прав человека, в особенности прав детей. Данная мера уголовно-правового воздействия имеет схожие черты с иными мерами уголовно-правового характера, закрепленными в УК РФ, и напоминает по содержанию прообраз отечественных принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90–92 УК РФ).

Устав Специального трибунала по Ливану за совершение преступлений, относящихся к его юрисдикции, предусматривает уголовно-правовое воздействие в виде индивидуальной уголовной ответственности (ст. 3), наказания в виде лишения свободы (ст. 24) и компенсацию потерпевшим (ст. 25) [9]. Под индивидуальной уголовной ответственностью Устав понимает ответственность лица, которое совершило преступление, участвовало в его совершении в качестве соучастника, организовывало или направляло других лиц с целью его совершения или любым иным способом внесло вклад в совершение преступления.

Коллегии с исключительной юрисдикцией, учрежденные Временной администрацией ООН в Восточном Тиморе, по справедливому утверждению И. Бантекаса и С. Нэша, создавались в национальных судах общей юрисдикции по принципу «суд в суде» с целью преследования лиц, виновных в совершении международных преступлений. Такие «интернационализированные местные уголовные трибуналы» являются составной частью национальной судебной системы [10, с. 557–584].

За совершение преступлений (геноцида, военных преступлений, против человечности, убийств, сексуальных преступлений и пыток, совершенных в период с 1 января по 25 октября 1999 г.) Устав данно-

го судебного органа предусматривает возможность назначения наказания в виде тюремного заключения на определенный срок, но не более 25 лет; штраф в размере не свыше 500 000 долл. США; конфискацию доходов, имущества и денежных средств, прямо или косвенно полученных в результате преступления (ст. 10). Приведенный Устав содержит ряд международно-правовых новелл: им предусматривается освобождение от уголовной ответственности (ст. 19) [11, с. 201–214]. Так, уголовной ответственности не подлежит лицо, которое в момент совершения деяния страдало психическим расстройством и которое в силу своего заболевания не способно осознавать общественную опасность своего деяния; находилось в состоянии интоксикации, что также лишает его возможности осознавать противоправность своего поведения; действовало разумно для защиты себя, другого лица или особо важного для выживания данного лица имущества от неизбежного и противоправного применения силы способом, соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу, другому лицу или имуществу; деяние является вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти либо причинения тяжких телесных повреждений для него самого или других лиц при условии, что оно не намерено причинить больший вред, чем тот, который оно стремилось предотвратить [11, с. 212].

Таким образом, приведенный институт частично дублирует положения отечественного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ), о лицах, подлежащих уголовной ответственности (гл. 4 УК РФ), однако не имеет ничего общего с институтом освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ).

Действующим в настоящее время судебным органом международного сообщества является Международный уголовный суд. Статут суда, вступивший в силу 1 июля 2002 г., предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок (не более 30 лет); пожизненного лишения свободы; штрафа; конфискации имущества, доходов и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления; индивидуальную уголовную ответственность (ст. 25);

уголовную ответственность командиров и начальников (ч. 3 ст. 28 Статута). Подобным образом Статут суда предусматривает виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 31 Статута), однако не закрепляет положения об уголовной ответственности несовершеннолетних, т. к. не распространяется на деяния, совершенные представителями указанной категории граждан (ст. 26) [12].

Особенностью современных моделей уставов международных органов правосудия является закрепление основания освобождения от уголовной ответственности ввиду психического расстройства лица, совершившего преступление. Отметим, что данная новелла не нашла своего закрепления в отечественном уголовном праве. В случае совершения лицом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости отсутствует состав преступления, что подразумевает исключение уголовной ответственности ввиду отсутствия ее основания (ст. 8 УК РФ). Следовательно, норма международного уголовного права об освобождении от уголовной ответственности лиц, страдающих психическим расстройством, порождает ряд вопросов относительно целесообразности ее закрепления в основных источниках международных органов правосудия.

С одной стороны, международное уголовно-правовое воздействие, определяемое решениями приведенных международных органов правосудия, отождествляется с национальным, т. к. в его содержание включаются меры, реализацию которых необходимо рассматривать за пределами уголовной ответственности (юрисдикция специального суда по Сьерра-Леоне над лицами возраста 15–18 лет). С другой стороны, действующий на постоянной основе Международный уголовный суд не закрепляет мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних лиц и лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших общественно опасное деяние, запрещенное Римским Статутом, однако содержит виды оснований освобождения от уголовной ответственности.

Отсутствие мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних лиц и лиц, страдающих психическим

расстройством, в международном уголовном праве обусловлено рядом факторов. Так, к компетенции Международного уголовного суда относятся вопросы определения ответственности за отдельные преступления против мира и безопасности человечества: планирование, подготовка или ведение агрессивной войны, публичные призывы к ее развязыванию; реабилитация нацизма; разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения; применение запрещенных средств и методов ведения войны; геноцид; экоцид; наемничество; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой; акт международного терроризма.

Считаем, что лицо, страдающее психическим расстройством, в силу своего душевного состояния или несовершеннолетний в силу своей социальной незрелости не в состоянии совершить подобного рода преступления. В крайнем же случае освобождение от уголовной ответственности данных категорий лиц, назначение им соответствующих принудительных мер медицинского характера и воспитательного воздействия определяется на основании норм национального законодательства [13–14].

Наличие видов оснований освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних лиц и лиц, страдающих психическим расстройством, в международном уголовном праве, по нашему мнению, является неправильным. Смягчение уголовной ответственности и наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, решение вопроса о вменяемости/невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние и пр. - это предмет национального правового регулирования, а не международного. Считаем, что международное уголовное право не должно регулировать вопросы, относящиеся к исключительной компетенции национальных судебных органов.

В силу своего приоритета, верховенства перед национальными органами правосудия, степени общественной опасности совершаемых преступлений международного характера компетенция Международного уголовного суда заключается в квалификации действий (бездействий), содержащих в себе признаки состава соответствующего международно-

го преступления, а также в определении меры ответственности за его совершение (наказание).

Назначение других мер уголовно-правового воздействия, например штрафа, конфискации имущества, доходов и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, – прерогатива законодательства государства, гражданином которого является преступник.

Список литературы

1. Ведерникова О. Н. Современные модели международного уголовного правосудия // Наука и жизнь Казахстана. 2012. № 2. С. 40–45.
2. Устав Международного военного трибунала // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. № 11. 199 с.
3. Сборник действующих договоров соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. № 12. 199 с.
4. Резолюция 827 (1993), принятая Советом Безопасности ООН на его 3217-м заседании 25 мая 1993 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 21.05.2020).
5. Report of the Secretary-General pursuant to paragraph 2 of Security Council resolution 808 (1993) // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/166504> (дата обращения: 21.05.2020).
6. Резолюция 955 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3453-м заседании 8 ноября 1994 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 21.05.2020).
7. Волеводз А. Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 305–323.
8. Устав Специального суда по Сьерра-Леоне // Официальный сайт Специального суда по Сьерра-Леоне. URL: <http://www.rscsl.org> (дата обращения: 21.05.2020).
9. Устав Специального трибунала по Ливану // Официальный сайт Специального трибунала по Ливану. URL: <https://www.stl-tsl.org> (дата обращения: 21.05.2020).
10. Bantekas, I., Nash, S. International Criminal Law. London: Routledge-Cavendish, 2007. 640 p.
11. Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. М., 2009. 536 с.

12. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // Справочно-правовая система «Гарант».

13. Lapshin, V. F., Korneev, S. A. Social Distributional Aspect of Penal Actions // E3S Web of Conferences. 2019. 135. 04063. 10.1051/e3sconf/201913504063. Pp. 1–11.

14. Корнеев С. А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 64–72.

References

1. Vedernikova, O. N. Modern Models of International Criminal Justice // Science and Life of Kazakhstan. 2012. No. 2. Pp. 40–45.

2. Charter of the International Military Tribunal // Collection of the Existing Treaties, Agreements, and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States. Moscow, 1955. No. 11. 199 p.

3. Collection of the Existing Treaties, Agreements, and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States. Moscow, 1956. No. 12. 199 p.

4. UN Security Council resolution 827 (1993) of May 25, 1993 // United Nations. URL: <https://www.un.org> (access date: May 21, 2020).

5. Report of the Secretary-General pursuant to paragraph 2 of Security Council resolution 808 (1993) // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/166504> (access date: May 21, 2020).

6. UN Security Council resolution 955 (1994) of November 8, 1994 // United Nations. URL: <https://www.un.org> (access date: May 21, 2020).

7. Volevodz, A. G. The Modern System of International Criminal Justice: Concept, Legal Basis, Structure, and Features // International Criminal Justice: Modern Problems / Edited by G. I. Bogush, Ye. N. Trikoz. Moscow: Institute for Law and Public Policy, 2009. Pp. 305–323.

8. Charter of the Special Court for Sierra Leone // Special Court for Sierra Leone. URL: <http://www.rscsl.org> (access date: May 21, 2020).

9. Charter of the Special Court for Lebanon // Special Tribunal for Lebanon. URL: <https://www.stl-tsl.org> (access date: May 21, 2020).

10. Bantekas, I., Nash, S. International Criminal Law. London: Routledge-Cavendish, 2007. 640 p.

11. Volevodz, A. G., Volevodz, V. A. The Modern System of International Criminal Justice. Moscow, 2009. 536 p.

12. Rome Statute of the International Criminal Court (Rome, July 17, 1998) // Garant.

13. Lapshin, V. F., Korneev, S. A. Social Distributional Aspect of Penal Actions
// E3S Web of Conferences. 2019. 135. 04063. 10.1051/e3sconf/201913504063. Pp. 1–11.

14. Korneev, S. A. The Criminal Law Measures not Related to Criminal Liability
// Legal Science and Law Enforcement Practice. 2019. No. 3. Pp. 64–72.